

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-345-356>

УДК 7.03+008

ББК 85.318(2)+71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Д. И. Иванов
г. Сиань, КНР

© 2021 г. В. В. Варава
г. Москва, Россия

ЭТИКА И ЭСТЕТИКА РУССКОГО РОКА (на примере творчества К. Кинчева)

Аннотация: Статья посвящена анализу этических и эстетических аспектов русского рока на примере творчества одного из его наиболее ярких представителей Константина Кинчева. Делается предположение, что отечественная рок-поэзия является органическим и самобытным элементом большого текста русской культуры, отражающим в себе его глубинные типологические характеристики. Это прежде всего синтез литературы и философии при доминировании нравственной проблематики. Характерный для русской философской культуры взаимопереход этического и экзистенциального находит в творчестве К. Кинчева наивысшее воплощение. С этой точки зрения анализируются некоторые важные аспекты творческого пути рок-поэта, для которого характерны духовные коллизии, проявленные в таких вещах, как мучительный поиск истины, метания от тьмы к свету, погружение в inferнальные области и т. д. Показано, что эти состояния являются необходимыми для формирования полноценного художественного мира, который немислим без подобных противоречий. Тем самым развенчивается традиционно сниженный и откровенно негативный образ представителя рок-культуры как носителя агрессивного и деструктивного начал. Важным для всего творчества К. Кинчева является ощущение того, что поэтический дар творца делает его сопричастным божественному бытию и, соответственно, нравственно ответственным за каждое произнесенное слово. Это по сути дела религиозная концепция художественного творчества, уходящая своими корнями к идеям Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: творчество К. Кинчева, рок-поэзия, русская литература и философия, этика, эстетика, поиск истины, экзистенция, духовное начало.

Информация об авторах:

Дмитрий Игоревич Иванов — кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка, Сианьский университет иностранных языков, ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань, 710128 г. Сиань, КНР. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-0049>. E-mail: Ivan610@yandex.ru

Владимир Владимирович Варава — доктор философских наук, профессор, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, ул. Барышевская роща, д. 22, 108831 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7811-5452>. E-mail: vladimir_varava@list.ru

Дата поступления статьи: 29.04.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Информация об авторе: Иванов Д. И., Варава В. В. Этика и эстетика русского рока (на примере творчества К. Кинчева) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 345–356. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-345-356>

Отечественная рок-поэзия, безусловно, является органическим и самобытным элементом большого текста русской культуры и поэтому отражает в себе его глубинные типологические характеристики. Одна из таких характеристик заключается в *синтезе литературы и философии*, порождающем известные феномены «философичности литературы» и «литературоцентричности философии», которые часто исследователями определяются как наиболее существенные черты русской культуры вообще¹. При этом, что наиболее важно в данном вопросе, и литература и философия в русской культурной традиции носят *этикоцентричный* характер.

Это значит, что этическая проблематика, прошедшая через этапы христианского дидактизма древнерусских книжников, «проклятых вопросов» русской экзистенциальной мысли XIX в., напряженнейших философских исканий Серебряного века и глубинных нравственных вопрошаний писателей-деревенщиков, представляет собой *духовный инвариант* отечественной культуры. От классиков русской философии до современных исследователей прослеживается эта мысль, что свидетельствует о ее основательности. Приведем лишь несколько таких свидетельств.

Прежде всего, важна оценка русской философии, данная В. В. Зеньковским, который отметил, что в ней «всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот «панморализм», который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, — с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, — даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвященных вопросам морали (например, у Киреевского)» [8, с. 16]. Это значит, что литература является наиболее уместным средством для выражения нравственных идей, которые по своей сути являются абсолютно нетрактатными, в отличие от этики как академической дисциплины.

Современный исследователь, историк русской философии В. В. Сербиненко, характеризуя первоначальный этап генезиса русской философии пишет: «В русской мысли очень рано осознается и достаточно определенно формулируется идеал единства Истины, Добра и Красоты. <...> Уже в древнейших памятниках отечественной мысли центральное место занимают проблемы антропологические, историософские и этические» [17, с. 13]. Для понимания онтологического смысла слова «этика» в русской философии важна его трактовка Т. А. Кузьминой: «Этика — не просто одна из философских дисциплин, а центр, смысл, основа философии как таковой, а нравственный опыт человека — его наивысшее проявление и богатство, путь к Истине, наконец» [13, с. 87].

¹ Данная позиция разделяется многими авторитетными исследователями, среди которых В. В. Кожин, Г. Д. Гачев, Г. Померанц, С. Г. Бочаров, Ю. Н. Давыдов, Б. Н. Тарасов, А. А. Корольков, С. Г. Семенова, В. К. Кантор, М. Н. Громов, К. Г. Исупов, И. И. Евлампиев, В. П. Океанский и др. Среди наиболее примечательных трудов на эту тему следует отметить коллективную монографию под ред. А. А. Тахо-Годи «Русская литература и философия: пути взаимодействия» [16]. В этой монографии представлен широкий контекст истории взаимоотношения литературы и философии на протяжении целого столетия — от первой половины XIX в. до первой половины XX в.

Этих оценок достаточно, чтобы осознать фундаментальность нравственной проблематики в литературоцентричной традиции русской философии и литературы. Нравственный здесь означает захваченность стихией «последних», «проклятых» вопросов, связанных с бытийным уделом человека. И очевидно, что такие темы, как смерть, смысл жизни, страдание, отчаяние, вера и неверие, поиск истины, любовь, трагизм жизни, здесь имеют первое и высшее значение.

Данные особенности не могли не отразиться на лирико-семантическом строе отечественной рок-музыки, которая сама во многом и является продолжателем традиции русского философского этикоцентризма во второй половине XX в. Исследователи И. Кормильцев и О. Сурова, анализируя эволюцию рок-поэзии в русской культуре, отмечают такие его особенности, указывающие на явную философичность экзистенциального толка, как эскепистский пафос, стремление к созданию «альтернативного» мира, не соприкасающегося с реальностью, разочарование, усталость, намек на утраты, страдающий и горько разочарованный лирический герой. Но главное, что выделяют исследователи, — это «внимание к **нравственно-этической проблематике** (выделено нами. — Д. И., В. В.), порой доходящей до дидактизма (особенно эта тенденция заметна в текстах Макаревича, который к тому же прекрасно владеет эзоповым языком). Нравственная проблематика рассматривается скорее в “экзистенциалистском” ключе — герой ответствен только перед собой, без поправки на “другого”, без требований социальной адаптации. Речь идет о некотором внутреннем “кодексе чести”» [12, с. 16].

Это очень важное наблюдение исследователей — *сдвиг нравственного в экзистенциальное*. Во многом этика в русской философии тождественна проблемному полю экзистенциализма в западной традиции. То, о чем размышляли отечественные авторы, не употребляя термин «экзистенция», прежде всего, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Л. Н. Андреев и др., вписано в топику экзистенциальной философии как таковой. Их же рефлексии в традициях отечественной философии принято считать нравственной, т. е. этикоцентричной [4].

Рассмотрим с этих позиций некоторые аспекты творчества К. Кинчева, которое, с нашей точки зрения, представляет собой ярко-выраженное этико-экзистенциальное стремление к наивысшему смыслу, что соответствует глубинным традициям отечественной философичной литературы. В этом стремлении человек проходит сложный духовный путь — от богоотрицания, сомнения, мучительного поиска истины до понимания божественного смысла творения и творчества.

В композиции «Стать песней» К. Кинчев предлагает «свою» интерпретацию до конца непостижимого и неподвластного человеку мучительно-спасительного процесса «рождения» песни. Концептуально-смысловым ядром этого со-творческого акта становится ощущение органичности своего естества, воплощенное в гармонии души и духа человека с Богом. Сам автор говорит об этом так: «Задача поэта, на мой взгляд, заниматься со-творчеством. Быть вместе с Творцом, прислушиваться к зову и принимать благодарно то, что он тебе дает... Ни в коем случае от этого дара не отказываться и не приписывать его себе»².

Ощущение одухотворенно-незримого присутствия в себе Духа Святого — «естества-в-себе» — это единственно возможная для К. Кинчева форма творческого интуитивно-интенционального со-существования со Всевышним, воля и сила которого «примиряет» поэта с самим собой и «настраивает» его на восприятие импульсов еще не рожденного слова: «Постучалась песня в двери... Взял ее бережно и записал. Не постучалась... Живешь... Занимаешься другими вещами. Это тайна, а как тайной

² Рок-версия событий — «Пространство слова». Документальный фильм (Фильм второй). 2007. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CSXYll xtrV8> (дата обращения: 18.04.2020).

делиться? В этом случае она перестает быть тайной. Мне это ощущение дорого, трепетно... Как это получается... Само собой... Бывает песня мучает тебя достаточно долгое время, бывает появляется вдруг...»³.

В основе этого ощущения («естество-творчество-в-себе» часть «естества-творчества-в-Боге») лежит глубокое осознание того, что «возложенный» на поэта-«проводника» дар со-творчества, со-причастности к великому таинству «бытия-к-Богу» — это со-переживание абсолютной боли-ответственности за каждое произнесенное слово. Каждый из тех, кто «получает голос», обязан быть честным не только с самим собой, но и с источником этого дара (Богом) и с теми, к кому он обращен. Это есть не что иное, как нравственное восприятие и отношение к своему творческому дару, впервые с особой силой выраженное у нас Н. В. Гоголем.

Заметим, что данная установка К. Кинчева также связана с концепцией творчества А. Башлачева. Для подтверждения этого тезиса представим несколько поэтических фрагментов. *К. Кинчев: «Гул основ (ощущение естества-в-себе и со-творчества-с-Ним (здесь и далее курсив наш. — Д. И., В. В.)) — легкая тень честного слова (незримое прикосновение-присутствие дара Божьего в человеке), / Правдой жжет и заставляет лететь (осознание человеком великой ответственности за возложенный на него дар) / Боль огня переживать снова и снова (готовность воплощать свое «сущностное я», выраженное в непреодолимом гибельно-возрождающем стремлении быть «проводником» дара творческого естества) / И вздохом взять смерть (не само-, а со-утверждение причастности человека-поэта к «бытию-с-Богом (-в-Боге-вере)»» [9].*

А. Башлачев: «Нить, как волос. / Жить, как колос (незримое прикосновение-присутствие дара Божьего в человеке) / Размолотит колос в дух и прах один цепной удар (осознание человеком великой ответственности за возложенный на него дар) / Да я все знаю, дай мне голос. / И я любой удар приму, как твой великий дар» [2, с. 440] (готовность воплощать свое «сущностное я», выраженное в непреодолимом гибельно-возрождающем стремлении быть «проводником» дара творческого естества); «Тут дело не ново — словить это Слово / Ты снова, и снова, и снова — лови. / Тут дело простое — нет тех, кто не стоит, / Нет тех, кто не стоит любви» [3, с. 440] (не само-, а со-утверждение причастности человека-поэта к «бытию-с-Богом» («-в-Боге-вере»)).

Особое внимание в данном контексте необходимо обратить на то, что естественно-корневая, со-творческая концепция искусства К. Кинчева (Бог как (первоисточник творческого импульса) + креативный субъект-проводник (поэт, музыкант, художник) = произведение искусства), получающая статус базовой структуро- и смыслообразующей когнитивно-ментальной подсистемы, на основе которой формируется и трансформируются когнитивно-прагматическая программа (КПП) поэта, генетически связана не только с эстетикой русской (А. Башлачев, Б. Гребенщиков, Д. Ревякин, Ю. Шевчук, В. Цой) и англо-американской рок-культуры⁴, но и органически вписана в контекст русской и западно-европейской литературы.

³ Там же.

⁴ Здесь достаточно вспомнить тот факт, что одной из ключевых самоидентификационных икарнаций К. Кинчева в начале 1980-х гг. была икарнация «меломан»: «Я впитывал в себя, как губка, много лет подряд / Тысячи мелодий и тысячи названий. / Я помню, как все это начиналось, — я был рад, / Мне было лет тринадцать — я слушал все подряд. / Названий вереницы: “Beatles”, “Rolling Stones”, / “T. Rex”, “Beach Boys”, “Credence”, “Holleys”, “Doors”, / Jimi Hendrix, Eric Clapton, Janis Joplin, “Who”, / Mango Jerry, Steppen Wolfes, и даже “Shoking Blue”. / Прошло, наверно, года три, а может быть, четыре, / И вот уже хард-рок живет в моей квартире. / О, это славный малый, мы были вместе много лет, / Он мне так много рассказал про аккомпанемент. <...> Я — меломан. / Минуй хэви-металл, не говоря о диско, / Я сразу же попал в психоделические призмы. / О, этот авангард — начало всех начал. / Плюс-минус бесконечность, сюда попал — пропал» [10].

Так, например, рассматривая специфику использования реминисценций в творчестве К. Кинчева, исследователь Е. А. Гидревич приводит достаточно широкий круг авторов и произведений русской и зарубежной литературы, отсылки к которым (явные или скрытые) встречаются в текстах поэта. В «список Кинчева» входят: Ш. Бодлер, С. Есенин, В. Высоцкий, М. Булгаков, Н. Гоголь, А. Островский и многие другие. Все это позволяет исследователю сделать вполне закономерный вывод о том, что «творчество К. Кинчева — не закрытое от “большой” литературы явление <...> и имеет непосредственное отношение к новейшей русской литературе» [5, с. 38]. Иными словами, текст рок-поэзии органично вписан в большой текст культуры, являясь его важнейшей составляющей во второй половине XX в.

Показательной в данном контексте является и рецензия А. Троицкого на первый альбом «Алисы» «Энергия», в который вошли песни, написанные К. Кинчевым. А. Троицкий пишет: «Первый альбом “Энергия” стал настоящим откровением в отношении цитирования писателей русского литературы. Подобного рода эксперимент проводил только Александр Градский» [18, с. 223, 383]. Действительно, язык рока выступает здесь в качестве своеобразной площадки для популяризации идей, выраженных в литературе. Можно говорить о литературно-музыкальном и этико-эстетическом синтезе, представленном в творчестве К. Кинчева.

Заметим, что К. Кинчев, так же как большинство представителей «героической эпохи» отечественной рок-культуры (М. Науменко, Б. Гребенщиков, П. Мамонов, А. Башлачев, В. Цой, В. Бутусов, И. Кормильцев, Д. Ревякин, Ю. Шевчук, Е. Летов) «не вписывается» в стереотипный образ «классического рок-музыканта» «западного образца», круг интересов которого, в восприятии фанатов, должен ограничиваться рамками общеизвестной формулы «секс, наркотики, рок-н-ролл»⁵.

Определяя основные источники формирования эстетики русского рока, И. Кормильцев и О. Сурова отмечают: «Важным источником ленинградской школы русского рока является русская поэзия “серебряного века” — Блок, Саша Черный, обэриуты, Вертинский <...> Необходимым “кирпичиком” в здании ленинградской субкультуры стала бардовская поэзия <...>. Истоки “почвеннического” направления следует искать в тех исторически сложившихся особенностях, которые отличали жизнь и быт Сибири. <...> В творчестве Д. Ревякина (“Калинов мост”), якутские, татарские или башкирские мотивы, казачий фольклор, предания семейских Забайкалья играют не меньшую роль, чем исконно русское начало. <...> Но в отличие от Майка или БГ для Ревякина восточные религиозные системы — это не экзотика, а близкая и знакомая реальность, верования соседей. Формальный поиск в ревякинской поэзии, которую часто упрекают в обилии прямых параллелей с Хлебниковым — полупонятный-полузагадочный язык, словотворчество, игра со словообразовательными моделями, псевдославянские новообразования, неологизмы, смысл которых кажется, вот-вот можно ухватить, а он все же ускользает, игра с фольклорными клише и топосами, пришедшими из сказок и языческих верований, — все это создает удивительно живой поэтический универсум. Обаяние этого уникального эксперимента в рок-поэзии и значимость фигуры Ревякина до сих не оценены по достоинству — а между тем это очень заметно в зрелом творчестве К. Кинчева (“Стерх”, “Плач”, “Шабаш”, “Жар-бог Шуга”, “Пляс Сибири” и многие другие тексты), в последних текстах Шевчука. Думается, что в случае с такими поэ-

⁵ «Sex & Drugs & Rock & Roll» — песня британского рок-исполнителя Иэна Дьюри и его дебютный сингл, выпущенный 26 августа 1977 г.

тами, как Башлачев, Ревякин, Кинчев, можно говорить о школе — слишком очевидно их взаимодействие и не случайно глубинное сходство поэтических систем» [12, с. 24, 29–30].

Заметим, что с развитием оригинальной, самобытной версии русской рок-эстетики следование данной псевдоидентификационной формуле становится не более чем внешним, формальным атрибутом в симулятивной игре в «рок-звезд», необходимой для поддержания «своего» имиджа в глазах поклонников. При этом функция самих рок-музыкантов в рамках этой навязанной «игры-в-других» сводится к ироничному подыгрыванию⁶. Его сущность можно определить так: «вы хотите видеть меня таким — я буду таким, но останусь самим собой»: «О, Боже! Как хочется быть кем-то — / Миллионером, рок-звездой, Святым, пророком, сумасшедшим / Или хотя бы самим собой... Самим собой? / Это сложно... / Это возможно только здесь [14, с. 169] — (Здесь и далее курсив наш. — Д. И., В. В.); «Я сказал все, что хотел сказать, что я могу сказать еще? / Все, что я хочу, это чтобы всем было хорошо. / И кто-то плюнет мне в спину, и кто-то помашет рукой, / И кто-то назовет меня негодяем, но кто-то назовет “звездой”. / Зовите меня, как вам угодно, я все равно останусь собой: / По знаку Зодиака — овром, по году рожденья — козой. / Но вот, вот идет мой поезд, / Вот идет мой медленный поезд. / Смотри, вот идет мой поезд, / Ведь завтра меня здесь уже не будет» [15, с. 162].

Нечто подобное происходит и с К. Кинчевым, фанатская рок-идентификация которого не совпадает с его реальной (истинной) самоидентификационной моделью. Н. Барановская отмечает: «Я хочу огорчить девушек, фанаток К. Кинчева (курсив наш. — Д. И., В. В.), считающих Костю своим в доску парнем, не утруждающим мозги излишним напряжением, плюющим на всякий там балет, живопись, классическую музыку и Толстых с Достоевскими <...>. Я вынуждена разочаровать юных фанаток. Я понимаю, им трудно представить, как Кинчев может вдруг позвонить из Москвы и час по телефону, наплевав на грядущий астрономический счет за переговоры, читать прозу Велимира Хлебникова, потрясую его. Или как во всех городах, будучи на гастролях, он шляется по книжным магазинам и везет книги практически из каждой поездки. Помнится, когда возвращались из Ташкента, где в книжных магазинах просто залежи прекрасной литературы, кинчевский багаж тянул на восемьдесят килограммов. В основном, из-за книг. Ему не очень-то нравится Соловьев, ближе Бердяев. Ему нравится Ницше-поэт, но не близок Ницше-философ (во всяком случае, он так говорит). Если перечислить всех его любимых писателей, философов, поэтов, то не хватит страницы. Говорят, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Еще говорят, скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты. Но если посмотреть, что читает, что любит из прочитанного Кинчев, то очень трудно составить себе о нем четкое представление. Ему с равной силой нравятся Хлебников и Гумилев, он очень любит “Сельский Часослов” Есенина и “Цветы зла” Шарля Бодлера. Гоголя и Гессе, Пастернака и Лермонтова <...>. Обиднее всего, когда те люди, которые вроде бы и любят его — фаны “Алисы”, — в своем

⁶ Достаточно четко специфику этой псевдоидентификационной модели самопрезентации определили С. Чиграков: «Напишу-ка глупенькую песню / Для постылых якобы друзей / Пусть себе смеются до упаду / От моих безграмотных идей. / Все смеются — я доволен тоже. / Я нагородил им темный лес. / Этим лесом я отгородился как забором, / Чтоб никто мне в душу не пролез <...> Я для них остаться должен / Своим парнем, “парнем в доску” / Наркоманом, Жоржем Дюруа, / Пьяницей и музыкантом / И непризнанным талантом / Ведь никем иным мне быть нельзя. / Напишу-ка глупенькую песню, / Сочиняя, буду хохотать. / Я уверен кинутся ребята / Тайный смысл за строчками искать. / Я свяжу нарочно одной рифмой / “Колесо”, “постель” и “ремесло”. / Я весьма доволен этой стихотворной ширмой / Боже как мне с нею повезло...» [20].

представлении упрощают его, видят в какой-то одной плоскости, в одном-двух цветах вместо всего спектра, даже если это красный и черный — Цвета “Алисы”» [1, с. 56].

Мы привели такую обильную цитату, чтобы показать подлинные художественные интересы К. Кинчева, которые напрочь расходятся с расхожими штампами относительно эстетического и этического горизонта рок-кумиров.

Отдельно необходимо сказать о том, что на определенном этапе творческого пути рок-музыканта возникает своего рода соблазн «божественно»-демонической «сверхволи», которая возникает в сознании творческого субъекта, формируя особую «ментально-когнитивную сверхволевую зависимость». Дело в том, что «сверхволя» начинает восприниматься «зависимым» субъектом как некий психостимулятор «конструктивно-созидательной» духовной активности личности. По своей природе и степени разрушения волевых и креативно-аналитических способностей человека «сверхволевая зависимость» схожа с алкогольной и наркотической зависимостью.

Испытав однажды «экстатически-аффективную эйфорию», человек стремится «проживать» это состояние вновь и вновь. Вероятно, именно этим объясняется факт тяжелой героиновой наркозависимости К. Кинчева, сформировавшейся на рубеже 1980-х гг. в момент глубокого духовного кризиса, изначально воспринимаемого поэтом как «опыт истинного духовного восхождения», результатом которого должен был стать «триумф духа» и «абсолютное слияние с Богом».

Наиболее точную персонификационную проекцию этой деструктивно-демонической зависимости предлагает Б. Гребенщиков. Он называет ее «Брат Никотин»⁷, фиксируя в этом именовании всю ее противоестественность и непреодолимость. «Сверхволя», проникая и подчиняя себе сознание креативного субъекта, приобретает адаптированную для «каждого» симуляцию Истины. Если кому-то нужен покой — она станет «покоем». Если кому-то необходим бунт, она обретает форму «бунта». Далее она становится тем, чем является в действительности (смертью, пустотой, духовной немотой, неверием и т. д.), но «зависимый» субъект теряет всякую способность к волевой идентификации и воспринимает ее как источник своей когнитивно-ментальной активности. Вот как этот процесс описывает сам Б. Гребенщиков: «Брат Никотин, брат Никотин. / Я не хочу ходить строем, хочу ходить один. / Иду по битым стеклам линией огня — / Отженись от меня, брат Никотин. / А у меня аллергия, мне не встать в эту рань — / Подзаборный Будда, трамвайная пьянь. / Бешеное небо — строгий Господин; / Отженись от меня, брат Никотин. / А я пришел греться в церковь, / Из алтаря глядит глаз. / Господь ведет пригородный поезд, / Режет рельсы, как алмаз <...> / Если я рухну,

⁷ На наш взгляд, предложенная Б. Гребенщиковым условно субъективированная, персонифицированная форма «сверхволевой зависимости», имеет целый ряд равнозначных концептуально-смысловых аналогов: «Брат Кокаин», Брат Героин», «Брат Алкоголь» и т. д. Так, например, все тот же Б. Гребенщиков в композиции «Мама, я не могу больше пить» представляет «сверхволевою зависимость» в форме беса-демона-алкоголя: «Мама, я не могу больше пить. / Мама, я не могу больше пить / Мама, вылей все, что стоит на столе — / Я не могу больше пить. / На мне железный аркан / Я крещусь, когда я вижу стакан. / Я не в силах поддерживать этот обман / Мама, я не могу больше пить. / Патриоты скажут, что я дал слабину. / Практически продал родную страну. / Им легко, а я иду ко дну. / Я гляжу, как истончается нить. / Я не валял дурака — / Тридцать пять лет от звонка до звонка. / Но мне не выгравить из себя чужака. / Мама, я не могу больше пить. / Мама, я не могу больше пить. / Мама, я не могу больше пить. / Мама, позвони всем моим друзьям. / Скажи — я не могу больше пить. / Вот она — пропасть во ржи, / Под босыми ногами ножи, / Как достало жить не по лжи — / Я не могу больше пить. Скажи моим братьям, что теперь я большой. / Скажи сестре, что я болен душой. / Я мог бы быть обычным человеком, / Но я упустил эту роль. Зашел в бесконечный лес. / Гляжу вверх, но я не вижу небес. / Скажи в церкви, что во всех дверях стоит бес — Демон Алкоголь» [7].

рухну как-то не так — / Нас у Бога много, килограмм на пятак. / У каждого в сердце разбитый гетеродин — / Отженись от меня, пока не поздно, брат Никотин [7].

Вполне исчерпывающее описание специфики «наркотического» воздействия деструктивно-демонической «сверхволевой зависимости» на сознание человека предлагает М. А. Булгаков. Описывая «аффективное эстетико-эйфорическое состояния доктора С. Полякова («Морфий»)), писатель подробно изображает две взаимообусловленных стадии воплощения этой зависимости:

- стадию «эйфорического» «сверхволевого» подчинения;
- стадию мнимого преодоления «сверхволевой» псевдоэйфории.

В результате этого мы видим, что любые формы «контакта» подобного рода, рано или поздно, приводят «художника» к трагической и зачастую нелепо-абсурдной (внезапной для него самого) развязке. «Классическим» финалом «самопровозглашенного» «зверем»-«сверхчеловеком» «божества» / «избранника» / «Творца» становится последовательное саморазрушение, духовное самоопустошение, которое неизбежно приводит либо к смерти (самоубийству) и безумию (сумасшествию), либо к творческой немоте и полному забвению.

Отрекаясь от соблазна обожествления себя в своих собственных глазах, равно как и в глазах других, К. Кинчев отказывается от псевдотриумфа. Душа «рожденного в дороге» [11] поэта выбирает противоположный путь. Путь этот основан на глубокой вере в Бога, которая помогает преодолевать поэту постоянно возникающие внутренние «сверхволевые противоречия»: «Навет не помеха, покуда есть Вера! / Стена не преграда для тех, кто в пути. / И окрик не сила, и выстрел не мера, / Когда в тебе Солнце шепнуло: “Лети!”» [11].

Метафорически его можно назвать движением от пассивно-деструктивного состояния «опустошенной внутренней полноты» «комфортного» «бытия-вне-себя» к активно-созидательному дискомфортному, но результативному состоянию постоянного внутреннего самопреодоления, направленного на «восполнение вечной недостаточности» присутствия в себе веры, смирения, любви, искренности, Бога.

Итак, проанализировав некоторые аспекты творчества К. Кинчева, мы пришли к следующим выводам. Прежде всего, его творческий путь есть одновременно и духовный путь, который наполнен всеми драматическими и даже трагическими коллизиями, которые свойственны творческим личностям. Наблюдая за становлением художественного мира рок-поэта, мы можем отметить, что эстетическая сфера у него неотделима от этической, что говорит о своеобразном этико-эстетическом синтезе, характерном для высоких произведений искусства.

Художественный мир К. Кинчева — это мир, преисполненный интенсивного духовного поиска, сопровождающегося такими кризисными состояниями, как неверие, отчаяние, соблазн погружаться в инфернальные сферы. Это делает поиск подлинным и достоверным, в котором нет эстетического любования темными сторонами бытия, но есть стремление прорываться к истине, что характерно вообще для отечественной литературы и философии. Художественный мир К. Кинчева пронизан этическими исканиями и философской рефлексией, что делает его творчество, прежде всего рок-поэзию, принадлежащим к наиболее ярким образцам отечественной словесной культуры. Будучи одним из наиболее ярких представителей отечественной рок-культуры, К. Кинчев своим творчеством свидетельствует о том, это культура наследует все высокие образцы традиционной русской культуры, уходящей корнями в славянские архетипы, создавая органичны в то же время оригинальный этико-эстетический синтез.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб.: Новый Геликон, 1993. 239 с.
- 2 Башлачев А. Сядем рядом // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 111–112.
- 3 Башлачев А. Тесто // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 134–136.
- 4 Варава В. В. «Осевое время» русской философии: открытие экзистенции // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2018. № 1–2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss29.html> (дата обращения: 26.04.2020).
- 5 Гидревич Е. А. Реминисценции в творчестве Константина Кинчева // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 2 (22). С. 35–40.
- 6 Гребеничиков Б. Мама, я не могу больше пить // Беспечный русский бродяга. 2006. URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-bg/tekst-pesni-mamaya-ne-mogu-bolshe-pit/1748955> (дата обращения: 02.07.2019).
- 7 Гребеничиков Б. Брат Никотин // Сестра Хаос. 2001. URL: <https://mp3folder.org.ua/tekst-pesni/1034136-akvarium-boris-grebenschikov-brat-nikotin.html> (дата обращения: 02.07.2019).
- 8 Зеньковский В. В. История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т. I. 222 с.
- 9 Кинчев К. В путь // Твердый знак («Ъ»). 2010. URL: <http://www.pesni.net/text/Alisa/V-put> (дата обращения: 10.04.2020).
- 10 Кинчев К. Меломан // Энергия. 1985. URL: <http://teksti-pesenok.ru/10/Konstantin-Kinchev-i-gr-Alisa/tekst-pesni-meloman> (дата обращения: 10.04.2020).
- 11 Кинчев К. Кибитка // Для тех, кто свалился с Луны. 1993. URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-alisa-konstantin-kinchev/tekst-pesni-kibitka/1733524/> (дата обращения: 10.04.2020).
- 12 Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: Изд-во ТГУ, 1998. № 1. С. 3–33.
- 13 Кузьмина Т. А. Экзистенциальная этика Н. А. Бердяева // Этическая мысль. М.: Изд-во ИФ РАН, 2008. Вып. 8. С. 87–128.
- 14 Науменко М. Ода ванной комнате // Поэты русского рока: В. Цой, М. Науменко, А. Панов, Е. Федоров, Ф. Чистяков, М. Башаков. СПб.: Азбука-классика, 2005. 416 с.
- 15 Науменко М. Завтра меня здесь не будет (Мой поезд) // Поэты русского рока: В. Цой, М. Науменко, А. Панов, Е. Федоров, Ф. Чистяков, М. Башаков. СПб.: Азбука-классика, 2005. 416 с.
- 16 Русская литература и философия: пути взаимодействия / под. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. 602 с.
- 17 Сербиненко В. В. История русской философии XI–XIX вв. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1993. 148 с.
- 18 Троицкий А. К. Рок-музыка в СССР: опыт популярной энциклопедии. М.: Книга, 1990. 385 с.
- 19 Черепова Т. Н. Феномен отечественной нравственной философии: этико-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2017. 173 с.

- 20 Чиграков С. Глупенькая песня (Ассоль) // Чиж & Со. 1993. URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-chizh-i-kompaniya-sergej-chigra/tekst-pesni-glupe-nkaya-pesnya-assol/1949850/> (дата обращения: 26.04.2020).

© 2021. Dmitry I. Ivanov
Xi'an, PRC

© 2021. Vladimir V. Varava
Moscow, Russia

**ETHICS AND AESTHETICS OF RUSSIAN ROCK
(as exemplified by K. Kinchev's creative work)**

Abstract: The paper deals with the analysis of ethical and aesthetic aspects of Russian rock by the example of the work of one of its prominent representatives Konstantin Kinchev. The authors suggest that Russian rock poetry is an organic and distinctive element of the large text of Russian culture, reflecting its deep typological characteristics. This is primarily a synthesis of literature and philosophy with a prevalence of moral issues. The mutual transition between the ethical and the existential, which is characteristic of Russian philosophical culture finds its highest embodiment in the work of K. Kinchev. From this point of view, the paper addresses some important aspects of the rock poet's creative career, which are characterized by very strong spiritual conflicts, manifested in such topics as a painful search for truth, rushing from darkness to light, immersion in infernal areas, etc. The paper shows that these states are necessary for generating of a full-fledged art world, which is unthinkable without such contradictions. Thus, the authors debunk traditionally reduced and openly negative image of the representative of rock culture as a carrier of aggressive and destructive principles. The feeling that a poetic gift of the creator makes him a part of the divine being, and, accordingly, morally responsible for each word spoken comes to be important for all the work of K. Kinchev. As the paper identifies this is an essentially religious concept of artistic creation, rooted in the ideas of N. V. Gogol.

Keywords: K. Kinchev's work, rock poetry, Russian literature and philosophy, ethics, aesthetics, the search for truth, existence, the spiritual principle.

Information about the authors:

Dmitry I. Ivanov — PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian studies, Xi'an International Studies University, South Wenyuan Road, Xi'an Guodu Education and Sci-Tech industrial development zone, Shanxi province, 710128 Xi'an, PRC. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-0049>. E-mail: Ivan610@yandex.ru

Vladimir V. Varava — DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Baryshevskaya Grove, d. 22, apt. 210, 108831 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7811-5452>. E-mail: vladimir_varava@list.ru

Received: May 15, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Ivanov D. I., Varava V. V. Ethics and aesthetics of Russian rock (as exemplified by K. Kinchev's creative work). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 345–356. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-345-356>

REFERENCES

- 1 Baranovskaia N. *Konstantin Kinchev. Zhizn' i tvorchestvo. Stikhi. Dokumenty. Publikatsii* [Konstantin Kinchev. Life and Creation. Poetry. Files. Publications]. St. Petersburg, Novyi Gelikon Publ., 1993. 239 p. (In Russian)
- 2 Bashlachev A. Siadem riadom [Sit beside]. In: Naumov L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poiushchii* [Alexander Bashlachev. The man who sings]. St. Petersburg, Amfora Publ., TID Amfora Publ., 2010, pp. 111–112. (In Russian)
- 3 Bashlachev A. Testo [Dough]. In: Naumov L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poiushchii* [Alexander Bashlachev. The man who sings]. St. Petersburg, Amfora Publ., TID Amfora Publ., 2010, pp. 134–136. (In Russian)
- 4 Varava V. V. “Osevoe vremia” russkoi filosofii: otkrytie ekzistentsii [“Axial time” of Russian philosophy: the discovery of existence]. In: *Forum noveishei vostochnoevropeskoii istorii i kul'tury. Russkoe izdanie*, 2018, no 1–2. Available at: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss29.html> (accessed 26 April 2020). (In Russian)
- 5 Gidrevich E. A. Reministsentsii v tvorchestve Konstantina Kincheva [Reminiscences in the work of Konstantin Kinchev]. *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal KGU*, 2012, no 2 (22), pp. 35–40. (In Russian)
- 6 Grebenshchikov B. Mama, ia ne mogu bol'she pit' [Mom, I can't drink anymore]. In: *Bespechnyi russkii brodiaga* [Carefree Russian tramp]. 2006. Available at: <https://teksty-pesenok.ru/rus-bg/tekst-pesni-mamaya-ne-mogu-bolshe-pit/1748955> (accessed 02 July 2019). (In Russian)
- 7 Grebenshchikov B. Brat Nikotin [Brother Nicotine]. In: *Sestra Khaos* [Sister Chaos]. 2001. Available at: <https://mp3folder.org.ua/tekst-pesni/1034136-akvarium-boris-grebenschikov-brat-nikotin.html> (accessed 02 July 2019). (In Russian)
- 8 Zen'kovskii V. V. *Istoriia russkoi filozofii* [History of Russian philosophy]. Leningrad, EGO Publ., 1991. Vol. I. 222 p. (In Russian)
- 9 Kinchev K. V put' [Let's hit the road]. In: *Tverdyi znak (“Ъ”)* [Hard sign (“Ъ”)]. 2010. Available at: <http://www.pesni.net/text/AlisaA/V-put> (accessed 10 April 2020). (In Russian)
- 10 Kinchev K. Meloman [Music lover]. In: *Energiia* [Energy]. 1985. Available at: <http://teksty-pesenok.ru/10/Konstantin-Kinchev-i-gr-Alisa/tekst-pesni-meloman> (accessed 10 April 2020). (In Russian)
- 11 Kinchev K. Kibitka [Wagon]. In: *Dlia tekh, kto svalilsia s Luny* [For those who fell from the Moon]. 1993. Available at: <https://teksty-pesenok.ru/rus-alisa-konstantin-kinchev/tekst-pesni-kibitka/1733524/> (accessed 10 April 2020). (In Russian)
- 12 Kormil'tsev I., Surova O. Rok-poeziia v russkoi kul'ture: vzniknovenie, bytovanie, evoliutsiia [Poetry in Russian Culture: the Emergence, Existence, Evolution]. In: *Russkaia rok-poeziia: tekst i kontekst*, 1998, no 1, pp. 3–33. (In Russian)
- 13 Kuz'mina T. A. Ekzistentsial'naia etika N. A. Berdiaeva [Existential ethics of N. A. Berdyaev's.]. In: *Eticheskaiia mysl'* [Aesthetic thought]. Moscow, Izdatel'stvo IF RAN, 2008, vol. 8, pp. 87–128. (In Russian)

- 14 Naumenko M. Oda vannoi komnate [Ode to the bathroom]. In: *Poety russkogo roka: V. Tsoi, M. Naumenko, A. Panov, E. Fedorov, F. Chistiakov, M. Bashakov* [Poets of Russian rock: V. Tsoi, M. Naumenko, A. Panov, E. Fedorov, F. Chistyakov, M. Bashakov]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2005. 416 p. (In Russian)
- 15 Naumenko M. Zavtra menia zdes' ne budet (Moi poezd) [I won't be here tomorrow (My train)]. In: *Poety russkogo roka: V. Tsoi, M. Naumenko, A. Panov, E. Fedorov, F. Chistiakov, M. Bashakov* [Poets of Russian rock: V. Tsoi, M. Naumenko, A. Panov, E. Fedorov, F. Chistyakov, M. Bashakov]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2005. 416 p. (In Russian)
- 16 *Russkaia literatura i filosofia: puti vzaimodeistviia* [Russian literature and philosophy: ways of interaction], edited by A. A. Takho-Godi. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 602 p. (In Russian)
- 17 Serbinenko V. V. *Istoriia russkoi filosofii XI–XIX vv.* [History of Russian philosophy of the 11th–19th centuries]. Moscow, Izdatel'svo ROU Publ., 1993. 148 p. (In Russian)
- 18 Troitskii A. K. *Rok-muzyka v SSSR: opyt populiarnoi entsiklopedii* [Rock music in the USSR: the experience of a popular encyclopedia]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 385 p. (In Russian)
- 19 Cherepova T. N. *Fenomen otechestvennoi npravstvennoi filosofii: etiko-filosofskii analiz* [The phenomenon of Russian moral philosophy: ethical and philosophical analysis: PhD thesis]. Ivanovo, 2017. 173 p. (In Russian)
- 20 Chigrakov S. Glupen'kaia pesnia (Assol') [Silly song (Assol)]. In: *Chizh & Co.* 1993. Available at: <https://teksty-pesenok.ru/rus-chizh-i-kompaniya-sergej-chigra/tekst-pesni-glupe-nkaya-pesnya-assol/1949850/> (accessed 26 April 2020). (In Russian)